

* * *

Власти Российской империи стремились в самых разнообразных формах использовать творческий потенциал русских писателей для формирования общественного сознания. Если в предыдущем очерке был рассмотрен случай эволюции образа «окраинного» народа, который под пером русской консервативно-монархической публицистики превратился во внутреннего врага режима, то в следующем очерке читатель столкнется с примером прямо противоположным. Здесь председатель Императорского Русского географического общества великий князь Константин Николаевич оказывается гораздо более либеральным по своим установкам, чем покровительствуемый им А. Ф. Писемский. Будучи участником «литературной экспедиции» в Поволжье в середине 1850-х гг., писатель не смог удовлетворить ожиданиям заказчика, так как счел коренные народы этого региона безнадежно отсталыми, а цивилизаторские усилия российского центра — бессмысленными и бесперспективными.

1.4. Литераторы в роли ориенталистов на службе у империи: случай А. Ф. Писемского*

Алексей Вдовин

Одним из самых ярких имперских проектов середины XIX в., нацеленных на интеграцию власти и представителей «республики словесности», традиционно считается «литературная экспедиция» 1855–1861 гг. По личной инициативе управляющего Морским министерством великого князя Константина Николаевича, русские писатели и журналисты А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, А. А. Потехин, Г. П. Данилевский и др. отправились за казенный счет описывать прибрежных (речных и морских) жителей империи, чтобы доставить необходимые сведения для будущих реформ системы набора на флот¹.

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 «Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе».

¹ Обстоятельно и красочно фактическую канву предприятия описал еще в XIX в. один из экспедиционеров — С. В. Максимов [Максимов].

Интерпретация экспедиции сводится к двум точкам зрения: в советских работах экспедиционеры-демократы (Островский, Михайлов и др.) предстают оппонентами колонизаторской политики властей, а либералы и консерваторы (Гончаров, Потехин, Писемский), разумеется, соглашателями [Черных: 4]. Западные историки предложили противоположное и более дифференцированное описание. Вслед за участником проекта С. В. Максимовым, посвятившем экспедиции мемуарный очерк, они уверены в сотрудничестве и единодушии путешественников с либеральными бюрократами Морского министерства [Clay 1989: 2, 7–8; Clay 1995: 45–46]. Обе позиции кажутся сегодня односторонними, особенно в свете обширного массива архивных документов, остающихся неизученными и неосмысленными.

Во-первых, требуется понять логику действий Морского министерства, но не как абстрактной структуры, а в лице его ключевых акторов, связанных с подготовкой экспедиции, — великого князя, его помощника А. В. Головнина, председателя Морского ученого комитета адмирала М. Ф. Рейнеке, ответственного за поездку адмирала Ф. П. Врангеля. Во-вторых, необходимо проследить, зачем и при каких обстоятельствах каждый из литераторов отважился на участие в ней, чего он ожидал от предприятия, насколько точно выполнил задание министерства, как взаимодействовал с цензурой журнала «Морской сборник», где печатались очерки, и наконец, самое главное — какую картину народных нравов и быта представил к напечатанию. Только после этого можно вписывать литературную экспедицию в более широкий контекст колониальной и национальной политики правительства в 1850-е гг.²

В этой статье мы проанализируем взаимодействие лишь нескольких акторов, связанных с экспедицией. На примере одного из самых своеобразных ее участников — А. Ф. Писем-

² Методология исследования, таким образом, опирается на т. н. ситуационный подход, который позволяет описывать взаимодействие всех потенциальных акторов в возможной полноте, как это предлагает А. И. Миллер [Миллер: 31].

ского — мы покажем, как работал механизм сотрудничества писателя и власти изнутри, в каких «сбоях» была виновата последняя, а в каких — сам литератор.

Вначале нужно понять, зачем в конце 1855 г. Писемский отправился в казенную командировку в Астрахань, какие инструкции он получил, что ожидал увидеть, какую картину нравов малых народов Нижней Волги он представил в Морской ученый комитет и почему тот отклонил часть его очерков. Эти вопросы ведут к главной проблеме: каково видение Писемским судьбы малых народов, покоренных империей, и как оно соотносится с идеологическим и литературным контекстом 1850-х гг.

Любитель комфорта, Писемский вряд ли собрался бы в Астрахань, если бы не материальная нужда. Прослужив несколько лет чиновником особых поручений при костромском губернаторе, он вышел в отставку в 1853 г., мечтая о постоянном литературном заработке и переезде в столицу. Используя старые связи с министром Перовским, Писемский в 1855 г. обрел, наконец, службу в департаменте уделов, но — без жалованья³. В это же время через посредство М. П. Погодина Писемский попадает в поле зрения Константина Николаевича, который покровительствовал тогда славянофильствующим литераторам круга «Москвитянина»⁴, включавшего и Писемского.

Летом 1855 г. Константин Николаевич приглашает писателя на фрегат «Рюрик», стоявший в Кронштадте, для чтения высоко оцененной им повести «Плотничья артель» [Писемский 1936: 82].

К этому времени (начало августа 1855 г.) относятся первые документированные свидетельства о замысле литературной

³ Ч. Мозер давно назвал материальную нужду основной причиной поездки [Moser: 67].

⁴ Подробнее об идеологической позиции великого князя в 1850-е гг. см. в обстоятельной диссертации: [Воронин: 56–57].

экспедиции⁵, который органично вытекал из реформы морского флота. Для его радикальной перестройки во время Крымской войны Константин Николаевич предложил набирать матросов в первую очередь из тех регионов страны, где жители с детства занимаются рыболовством и судоходством. Для этого необходимо было организовать тщательное исследование этих местностей.

Зачем же для решения этой задачи понадобились именно литераторы, а не ученые? Декларируемой составляющей реформ, проводимых великим князем, стало широкое привлечение частной инициативы и создание пространства общественного мнения, или «гласности» (А. В. Головнин). Особую роль в его расширении должен был сыграть «Морской сборник» и лучшие литературные и ученые силы страны, которым Константин Николаевич покровительствовал (см.: [Lincoln: 139–167]). Таким образом, в конце августа 1855 г. определился примерный состав участников, а Потехин и Писемский были обозначены в циркуляре как сочинители, наиболее подходящие для предприятия [Максимов: 19].

Понятно, что Писемский согласился поехать, поскольку совпали две причины — благорасположение великого князя и выгодная возможность получить денежное довольствие хотя бы на десять месяцев, за которые в итоге он получил 1175 руб. [Писемский 1936: 613]. Более того, министерское задание, благодаря либерализму великого князя, свелось в итоге лишь к сбору сведений 1) о быте и промысле приморских жителей, 2) об их судах, 3) об их нравах и характере, поверьях и пр. При этом инструкция не предписывала строго придерживаться установленной формы и порядка изложения. Этим Писемский и воспользовался.

Еще А. Я. Панаева запустила легенду о том, что Писемский проездил казенные деньги, не написав ни строчки [Панаева: 225]. В основании столь фантастической версии лежит вполне

⁵ Первый документ в архивном деле об экспедиции — поручение Константина князю Оболенскому приискать молодых литераторов [РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 1069. Л. 1].

реальная незаинтересованность Писемского в исполнении роли этнографа, о чем он наверняка мог с иронией рассказывать по возвращении. Его первые письма из Астрахани также полны сетований на отсутствие всякого желания писать. Заболев в дороге, он приехал в город в мизантропическом настроении и был глубоко разочарован увиденным, совершенно не соответствовавшим его представлениям о Востоке. «Все это, милый мой, — уверял он Островского, — г<...> против нашей полосы, г<...> — люди и даже климат. Теперь мне понятно, почему Московское Царство одолело все прочее» [Писемский 1936: 94]. Писемский имел в виду свои встречи с разными восточными и южными народами Астрахани: «На каждом шагу днем встречается то татарин, то армянин, то казак, то калмык, и все это грязное, оборванное, неопрятное» [Там же: 91].

Вокруг этих народностей и строится основное содержание очерков Писемского, задуманных как цикл («Путевые очерки») и объединенных единой фигурой повествователя и двумя сюжетно-тематическими линиями. Первая охватывает описания прибрежной природы и нравов и городского быта (очерки «Астрахань», «Бирючья коса, «Баку» и «Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова» — все опубликованы в «Морском сборнике» в 1856–57 гг.). Ко второй линии — «народоведческой» — можно отнести очерки «Татары», «Астраханские армяне» и «Калмыки», написанные в начале 1857 г. [Писемский 1936: 104–105] и по неизвестным причинам так и не появившиеся на страницах ведомственного журнала.

В списке статей, поданных авторами в «Морской сборник», но так и не напечатанных, сказано, что 3,5 авторских листа Писемского остаются в рукописи (датировка — сентябрь 1858 г.: [РГАВМФ: Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 1069. Л. 310]). Следовательно, речь идет о последних трех очерках о народах Астрахани (их суммарный листаж именно таков), отклоненных Морским ученым комитетом. Возникает вопрос: почему?

Прежде всего, следует оговорить, что до февраля 1858 г. «Морской сборник» не подчинялся общей цензуре и цензурировался Морским ученым комитетом. Его председателем и цензором весной 1857 г., т. е. в момент сдачи очерков Писем-

ского в журнал, был адмирал М. Ф. Рейнеке [Ливенцев 2002: 19]. Его суровость в отношении очерков Потехина, Островского и Писемского зафиксирована в мемуарах С. Максимова, получившего доступ к архиву военно-морского флота в 1880-е гг. Максимов объяснил санкции Рейнеке тем, что ученый комитет был плохо информирован о специфике экспедиции и не знал, как оценивать поступающие материалы. Поэтому Рейнеке стал браковать все статьи, не относящиеся к морскому делу [Максимов: 37]. В неопубликованном продолжении своих воспоминаний Максимов существенно скорректировал истинные причины браковки:

Все они явились урезанными и сокращенными не в силу цензурных условий <...>, а именно по произволу редактора и при том не того, который подписывал Сборник. <...> Не одобрялись же статьи или за излишнюю «литературность» формы, или за не подходящую к специальному органу тему <...>. Необъяснимое нерасположение к трудам литераторов пробовали объяснять и малодушною обидчивостью на то, что они <...> не заявили в ученый комитет; объясняли и тем недоразумением, которое возникало между органами самого министерства [ОР ИРЛИ: Ф. 218. Оп. 5. Ед. хр. 29. Л. 110–110 об.].

Архивные дела из РГАВМФ подтверждают факт упомянутого Максимовым разлада между двумя ведомствами одного министерства, но относится он не к запрещению очерков Писемского (о них сведений в архиве ВМФ не содержится), а к другому делу — отклонению очерка Г. П. Данилевского «Чумаки». В бумагах Морского ученого комитета сохранилось письмо, в котором Рейнеке приватно объяснял Головнину причины отказа Данилевскому:

По содержанию [статья] не относится к приморским жителям, как прочие; но что она именно написана по программе данной автору от Его Высочества — об этом комитету не было известно. <...> Обо всем этом пишу Вам для того, чтобы предупредить Вас о жалобе, за которую пожалуй ученый комитет опять получит замечание без справки о причине отказа [РГАВМФ. Ф. 162. Оп. 1. Ед. хр. 776. Л. 10].

Опасения Рейнеке не были напрасны: втык комитет получил лично от Константина, резолюция которого отложились в архиве: «Канцелярия Морского министерства сделала в 1855 году большое упущение, не сообщив Ученому комитету о моем распоряжении, относительно экспедиции, не передав комитету всей переписки» [РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 1069. Л. 268].

Таким образом, жесткие цензурные решения ученого комитета можно объяснить, во-первых, несоординированностью действий внутри министерства, а во-вторых, столкновением двух разных поколений бюрократии. Адмиралы Рейнеке и Врангель относились к «старой школе», в то время как не менее важные посты в министерстве при Константине стали занимать молодые (до 35 лет) чиновники — Д. А. Толстой, Д. А. Оболенский, А. В. Головнин и др. (см.: [Lincoln: 145]). Конфликт между двумя поколениями был неизбежен и мог приводить к подобным столкновениям.

Очевидность и типичность такого объяснения, как нам представляется, не должна заслонять самого главного: у Рейнеке были претензии к содержательной стороне очерков. Его аргумент («нет ничего про море, слишком литературно») не работает в случае с продукцией других участников экспедиции — например, «Уральских очерков» М. Михайлова, которые все же были опубликованы в «Морском сборнике» 1859 г., хотя о судоходстве и рыболовстве в них не упоминалось.

Следовательно, в расчет необходимо принимать также идеологию статей, влиявшую на решения ученого комитета. Мы полагаем, что особый взгляд Писемского на татар, армян и калмыков мог стать дополнительной причиной отказа в публикации. Ориенталистские построения писателя могли показаться Рейнеке не просто сомнительными, но и опасными, подрывающими саму идею о цивилизаторской миссии России. Чтобы это показать, обратимся к текстам.

При описании трех народов — астраханских армян, татар и калмыков — А. Ф. Писемский воспроизводит широко распространенные романтические представления о едином и поступательном пути прогресса для всех народов — от младен-

ческой дикости к зрелой цивилизованности. Однако от очерка к очерку этот комплекс идей варьируется.

В первом очерке «Астраханские армяне» Писемского поражает засилье в Астрахани армян, которые якобы держат всю торговлю города в своих цепких руках. Задаваясь вопросом, как этому народу удалось подчинить себе торг в татарском городе, завоеванном русскими, Писемский находил этому объяснение в национальном «армянском характере» [Писемский 1858а: 5]. В глазах автора, они — прирожденные торгаша, и не случайно поэтому сопоставляются с «жидами»⁶, захватившими все рынки южных окраин империи [Там же: 4]. Прочитав в книге Иоганна Гмелина «Путешествие по России» (1777) о свадебном обряде армян в Персии XVIII в. и найдя мало похожего у астраханских, Писемский делает вывод, что, забыв обряды, народ утратил свою самобытность. Та же самая «утрата национального характера» наблюдается и в одежде армян [Там же: 9], которая все больше европеизируется. В подтверждение своей мысли Писемский цитирует сатирическую рукописную поэму «Гаспарка», написанную от имени армянского франта Гаспара:

Вот я новиму пальту,
Дриковому брюку,
Мимо всех армян иду
На карманам руку.
<...>
Галстук с бантику большой,
Кружеву, манжетку,
И булавку золотой,
Бархатный жилетку [Там же].

Исковерканный русский язык, по мнению Писемского, и отражает здесь сознание армян, которые теряют свою культуру и

⁶ Источником для Писемского послужили очерки известного этнографа П. Небольсина: «Физиономия армян общеизвестна: она чрезвычайно близка к еврейскому типу» [Небольсин: 38]. Об оборотистости армянских торговцев также писал историк Астрахани Рыбушкин: [Рыбушкин: 66, 68].

обычаи. Более того, писатель возводит в их национальную черту будто бы чисто армянское стремление перенимать из чужой культуры лишь самое броское и «лакированное», приводящее в итоге к комичной смеси «наших обычаев и своих азиатских» в этом «полу-азиатском полу-европейском народе» [Писемский 1858a: 10, 15]. Более важны для Писемского, впрочем, нравственные черты армян, которые предстают в очерке расчетливыми ростовщиками, мечтающими лишь о наживе и соединяющими тем самым худшие черты евреев и немцев⁷ [Там же: 16].

В своем негативном описании армян Писемский опирался не только на личные наблюдения, но и на очерковую традицию. Так, у прочитанного им Гмелина лживые, продажные и алчные армяне в иерархии народов стоят даже ниже жидов [Гмелин: 212]. О стремительной европеизации армян Писемский мог прочесть в книге главного исследователя Каспия П. Небольсина, который в 1852 г. писал, что армяне «стали теперь совершенные “грансузы”»: щеголяют по парижским модам и живут на европейский манер» [Небольсин: 41]. Отметим, однако, что в многочисленных очерках о народах Астрахани этнографы 1840–50-х гг. не позволяли себе настолько пристрастных оценочных построений.

Не менее колоритно обрисованы у Писемского и татары — коренные жители Астрахани. Первое впечатление от внешнего вида татар вызывает у Писемского лишь негативные эмоции: «На отделку этих людей природа не употребила никаких мелких инструментов, а рубила себе сплеча» [Писемский 1858b: 2]. Описывая тяжелую и бедную жизнь астраханских татар,

⁷ Самая пристрастная оценка Небольсина звучит гораздо менее категорично, чем у Писемского: «Общий характер астраханских Армян — миролюбие и ласковость, в некоторых случаях — угодливость, в некоторых — гордость и заносчивость, вообще — веселость, расторопность и крайняя изворотливость. Есть в них приемлемость к внешнему образованию, но незаметно особого расположения к наукам и высшим умственным занятиям» [Небольсин: 51].

Писемский приходит к выводу, что после калмыков они представляют собой самый бедный чернорабочий класс. И каковы бы ни были «филантропические» стремления имперских прожектеров, это бедственное положение едва ли можно поправить, поскольку «зло лежит в самой натуре азиатца» [Писемский 1858b: 5]. Здесь-то Писемский и артикулирует свою ключевую идею: нигде не сходятся так близко два мира — европейский и азиатский, как в Астрахани, и именно этот контраст, по мысли автора, и объясняет, почему «север одолел восток и со временем должен его совершенно поглотить» [Там же]. Слово север тут ключевое (вспомним «Московское царство» из его письма). На самом деле, у Писемского речь идет о торжестве не Запада и западной цивилизации, а севера, т. е. некой русской срединной, московской цивилизации, силу которой составляет русский мужик: «у русского мужика в пятке больше дарования, чем у целого улуса здешнего» [Писемский 1936: 97]. Причина — в заложенных природой особенностях татар, которые, в изображении Писемского, наделяются всеми расхожими негативными представлениями об азиатском характере: лень, фатализм, неспособность к улучшению, пассивность и нравственная апатия [Писемский 1858b: 5].

Этот «азиатский» набор легко найти уже в статьях Белинского (ср. «Россия до Петра Великого»), в которых угадываются отзвуки «Философии истории» Гегеля, где народы Азии, Африки и Южной Америки были наделены всеми перечисленными свойствами и объявлены неисторическим. В контексте гегелевской теории «всемирно-исторических» и «неисторических народов» особый смысл приобретает финал очерка «Татары», в котором Писемский воспроизводит эту идею:

Мир праху твоему, отживший свое время народ! <...> Историческое значение твое было случайное. Поддерживать и беречь твою народность все равно теперь, что нагревать мертвый труп [Там же: 10].

Писемский считает бессмысленными усилия этнографов и филологов, пытавшихся сохранить «дух малых народов». Они уже мертвы и, очевидно, обречены на исчезновение, и объяс-

няется это изначальной природной ущербностью татар, их неспособностью к развитию. Однако в третьей очерки «Калмыки» Писемский по-другому объясняет отсталость народа. Она вызвана неблагоприятными географическо-климатическими условиями и историческими обстоятельствами, которые затормозили развитие калмыцкой цивилизации [Писемский 1860: 10].

В итоге перед нами — две причины и две распространенные в 1840-е гг. теории, объясняющие превосходство одних и отсталость иных народов и отразившиеся, например, в программных статьях К. Э. фон Бэра — «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» (1846) и «О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества» (1848). Возможно, Писемский читал их, а если и не читал, то мог обсуждать эти идеи с Бэром, с которым познакомился как раз во время экспедиции по Каспию и, как упоминается в очерках, часто беседовал с ним на научные темы.

Объясняя отсталость некоторых народов историческими и природными обстоятельствами, Бэр как раз опровергал широко распространенное мнение, будто «в этих племенах есть врожденная злоба или неспособность к развитию» [Бэр: 105], и настаивал на постепенной и осторожной подготовке любой цивилизаторской миссии.

Как видим, идеи Писемского эклектичны и не представляют стройной системы, восходя к разным популярным в то время представлениям. В данном случае более важными поводом к ориенталистским размышлениям для Писемского стали не научные труды этнографов, а художественные воплощения этой темы.

Таким поводом могла оказаться книга другого путешественника, отправившегося в кругосветное плавание под эгидой Морского министерства и посвятившего свой труд великому князю. Речь идет об И. А. Гончарове и его очерках «Фрегат “Паллада”», за выходом которых начиная с 1855 г. Писемский пристально следил и сообщал А. Островскому: «Возвратился из литературного путешествия Гончаров и привез с собой ки-

пу Записок, не глупы, да не очень и умны и порядочно скучноваты» [Писемский 1936: 80].

Было бы соблазнительно предположить, что крайне скептический взгляд Писемского на судьбу покоренных Россией народов и самую возможность цивилизаторской миссии мог быть полемическим ответом на оптимистическое видение этой проблемы у Гончарова. Как известно, он возлагал большие надежды на просветительскую миссию России в Сибири. Такова концепция очерка «Из Якутска», помещенного в «Морском сборнике» весной 1855 г. Якуты, главный объект описания Гончарова, предстают здесь как «тихий и вежливый народ», который семимильными шагами движется по пути христианизации и прогресса, а значит, по Гончарову, — воспитания и взросления. Якут, «еще недавно получеловек-полуживерь», выступает как главный помощник русских в освоении этого сурового края, как свидетельство абсолютного успеха русской цивилизаторской миссии на Дальнем Востоке и гарант ее высокого статуса среди других империй. В уместности и полезности этой миссии у Гончарова, в отличие от Писемского, нет никаких сомнений: русские «учили алеутов и курильцев жить и молиться, <...> создали, выдумали Сибирь, населили и просветили ее и теперь хотят возвратить Творцу плод брошенного Им зерна» [Гончаров: 677–678].

Акценты в очерках Писемского расставлены совершенно иначе. В отличие от Гончарова, Писемский не полагается на прогресс и цивилизацию, да и под понятием цивилизации у двух авторов выступают совершенно разные феномены: у Гончарова — европейская, у Писемского — московско-костромская (в духе славянофилов). Последняя, с его точки зрения, «поглотит юг», но в концепции Писемского этот факт оценивается двойственно. С одной стороны, это могло бы принести свет просвещения малым народам, однако они к нему не способны, и поэтому цивилизаторская миссия, по мысли автора, обречена на провал. С другой стороны, торжество цивилизации несет в себе и угрозу, поскольку те же астраханские армяне стремительно теряют свою самобытность. Но происходит это, как считает Писемский, по вине самих же народов, неспо-

собных к культивированию национальных традиций — опять же вследствие своей нецивилизованности и отсталости. В итоге получается замкнутый круг.

Писемский, вероятно, и сам осознавал некоторую двойственность такой авторской позиции и был недоволен качеством своих очерков⁸. Критики и исследователи в целом склонялись к сходному мнению. Однако каково бы ни было литературное достоинство очерков, они составляют продуманный в композиционном отношении цикл с весьма специфической авторской концепцией, которая шла вразрез не только с идеями Гончарова, но и с магистральной линией востоковедения того времени. Об этом свидетельствует реакция одного из ориенталистов на очерк Писемского «Астраханские армяне».

В 1858 г. в «Северной пчеле» на них появилась возмущенная рецензия Герасима Эзова — магистра востоковедения Петербургского университета и основоположника русской арменистики. Карапет Езян (таково подлинное имя), страшно оскорбленный «голословным обвинением целой нации», объявил позицию Писемского анахронизмом, не соответствующим современному состоянию науки, а автора упрекнул в полном незнании сороколетней истории армянского народа, который, несомненно, принадлежит к числу «исторических» [Эзов: 1148]. Консервативная точка зрения Писемского, в самом деле, существенно расходилась с пониманием востоковедами конца 1850-х гг. миссии империи.

Как показывают современные исследования, ориенталисты, во-первых, высоко оценивали потенциал и культуру покоренных азиатских народов, призывая к всестороннему их изучению, которое должно было только способствовать самопознанию самих русских через «другого»⁹. Во-вторых, востоковеды не ставили под сомнение успеха мирной цивилизаторской

⁸ Свидетельство тому — сетования на творческий кризис в письме к И. С. Тургеневу в апреле 1857 г.: «Путешествия мои выходят из рук вон плохо» [Писемский 1964: 149].

⁹ Такова концепция крупнейшего востоковеда 1850-х гг. В. В. Григорьева. Подробнее см.: [Knight].

миссии России, нацеленной на приобщение малых народов к европейским ценностям¹⁰. Просветившись, они должны были естественным образом осознать не только значение собственной нации, но и нации, их к этому знанию приобщившей, т. е. русской [см.: Тольц: 272–273].

Можно предположить поэтому, что адмиралу Рейнеке или другим чиновникам Морского ученого комитета (неизвестно, кто читал рукопись) скепсис и своеобразное русофильство Писемского могли показаться совершенно неуместными и нежелательными, не отвечающими пафосу реальной колонизаторской политики России и подрывающими идею о многообразии империи. Возможную реакцию цензоров комитета мы можем реконструировать лишь гипотетически — на основании сохранившегося отзыва капитана 1 ранга, некоего Соковнина, который в 1859 г. представил следующий рапорт на поступившую в «Морской сборник» статью о турецком вопросе:

Автор этой статьи <...> желал получить не менее 50 руб. за лист, по-моему мнению запрашивает ровно вдвое, ибо эта статья, имеющая главной целью доказать, что самый негодный народ на свете, — это турки, а все, которые не так думают, — «туркофилы», — вообще говоря не очень интересна, и тем менее, чем ближе к концу [РГАВМФ. Ф. 162. Оп. 1. Ед. хр. 831. Л. 70].

Из приписки явствует, что статья была возвращена автору. Возможно, нечто похожее случилось и с очерками Писемского. Даже если предположить, что причиной их отклонения явился чисто бюрократический «сбой», сотрудничество министерства с писателями предполагало лояльность с их стороны именно в таких тонких вопросах, как идеологически верная репрезентация цивилизаторской миссии империи. Поскольку высочайше одобренным литературным образцом стала книга Гончарова (Константин Николаевич подчеркивал это [Максимов: 24]), полемически направленные против высказанных в ней идей очерки Писемского воспринимались современни-

¹⁰ Связь этих двух, на первый взгляд, противоположных, устремлений была очень тонкой и разнилась от региона к региону [Миллер: 116, 238–239].

ками как странное отклонение и от официальной идеологии, и от достижений науки, ярким примером чему служит рецензия востоковеда Эзова.

Описанное взаимодействие двух акторов — писателя и чиновника из министерства — нуждается, конечно, в более детальной контекстуализации. Нас интересовало, прежде всего, столкновение и несовпадение взглядов конкретного литератора с магистральным курсом либеральной бюрократии Морского министерства и с научными достижениями эпохи. Вопреки расхожему мнению о литературной экспедиции, случай А. Ф. Писемского свидетельствует о том, что взгляды писателя, взявшегося выполнять государственный заказ, оказались более консервативными, чем точка зрения либералов из Морского ведомства и востоковедов конца 1850-х годов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бэр: *Бэр К.* Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности // Записки Имп. Рус. географического общества 1846. Кн. 1. С. 93–109.
- Воронин: *Воронин В. Е.* Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича (до нач. 60-х годов XIX в.). Дисс... к. и. н. М., 1996.
- Гмелин: *Гмелин С.-Г.* Путешествие по России. СПб., 1777. Ч. 2.
- Гончаров: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1997. Т. 2.
- Ливенцев: *Ливенцев Д. В.* Ученый комитет Морского министерства: Его деятельность в области науки и учебного дела в 1847–1891 гг. Дисс... к. и. н. Воронеж, 2001.
- Максимов: *Максимов С. В.* Литературная экспедиция // Русская мысль. 1890. Кн. 2. С. 17–51.
- Миллер: *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм. Изд. 2, испр. и доп. М., 2010.
- Небольсин: *Небольсин П. И.* Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.
- ОР ИРЛИ: Отдел рукописей Института русской литературы («Пушкинский Дом») РАН.
- Панаева: *Панаева А. Я.* Воспоминания / Под ред. К. И. Чуковского. 2-е изд. Л., 1928.
- Писемский 1858а: *Писемский А. Ф.* Астраханские армяне // Библиотека для чтения. 1858. Т. 151. Сентябрь. Отд. паг. С. 1–16.

- Писемский 1858b: *Писемский А. Ф.* Татары // Библиотека для чтения. 1858. Т. 152. Отд. паг. С. 1–10.
- Писемский 1860: *Писемский А. Ф.* Калмыки // Библиотека для чтения. 1860. Т. 158. Отд. паг. С. 1–34.
- Писемский 1936: *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936.
- Писемский 1964: Письма А. Ф. Писемского // Литературное наследство. Т. 73. Из парижского архива И. С. Тургенева: В 2 кн. М., 1964. Кн. 2.
- РГАВМФ: Российский государственный архив военно-морского флота.
- Рыбушкин: *Рыбушкин М. С.* Записки об Астрахани. М., 1841.
- Тольц: *Тольц В.* Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // *Imperium inter pages: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)*: Сб. ст. / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М., 2010. С. 266–307.
- Черных: *Черных Л. В.* Литературная экспедиция 1855 года. Автореф. дисс... к. ф. н. Л., 1950.
- Эзов: *Эзов Г.* Петербургский Дюма и астраханские армяне // Северная пчела. 1858. 12 дек. С. 1148–1150.
- Clay 1989: *Clay, C. B.* Ethos and Empire: The ethnographic expedition of the Imperial Russian Naval Ministry, 1855–1862. PhD Dissertation. University of Oregon, 1989.
- Clay 1995: *Clay, C. B.* Russian Ethnographers in the Service of Empire, 1856–1862, in: *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 1. P. 45–61.
- Knight: *Knight, N.* Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. № 1.
- Lincoln: *Lincoln, B.* In the Vanguard of Reform. Russia's Enlightened Bureaucrats, 1825–1861. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1982.
- Moser: *Moser, Ch.* Pisemsky: a provincial realist. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1969.